

Юноша в поношенном синем халате, худой и болезненный, прислонился к дверному косяку. Его брови были нахмурены, а глаза, подернутые тяжелой синевой, то и дело закрывались.

Ночь накрыла город, словно чернила. Грохот грома походил на рев дикого зверя, сверкали молнии, и ливень обрушился на землю с яростью табуна скачущих лошадей. Можно было не сомневаться: нежные цветы, не укрытые от непогоды, уже превратились в жалкие клочья, устилающие землю.

Пальцы, на которых отчетливо выступали костяшки, погладили увядший лепесток, зажатый в ладони. Она задумалась о чем-то и вдруг улыбнулась.

Улыбка расплзлась по лицу, но тут же застыла, превратив бледную, лишенную жизни кожу в подобие безжизненной маски. Мгновение спустя мышцы лица едва заметно дрогнули, и улыбка медленно угасла.

В безумном взгляде промелькнул холодный блеск разума.

Линь Чаогэ, сидя у порога, вспоминала, как впервые увидела себя в зеркале после пробуждения: бледное лицо, тонкие брови, изящный нос, узкие персиковые глаза, тонкие губы и острый, узкий подбородок. Вылитый лисенок, который еще не успел вырасти.

Будь расстояние между этими живыми глазами чуть меньше, она сошла бы за скромную красавицу из благородного дома. А будь черты лица чуть утонченнее — могла бы стать тем самым лисом-соблазнителем, способным вскружить голову любому. С такой внешностью путь к разрушению государств был бы открыт.

Линь Чаогэ тяжело вздохнула. Нет судьбы главной героини — значит, нет. Это было видно по одному лишь лицу. Впрочем, даже если не быть главной героиней, она не возражала бы против роли второй или третьей скрипки, но вот этот факт — отсутствие мужского достоинства при наличии мужского облика — был уже перебором.

Она погладила свой худой, костлявый подбородок и нахмурилась.

Тело было слишком истощено, до пугающей худобы. Во все времена считалось, что именно у статных женщин есть счастье, а согласно суевериям старшего поколения, такое лицо — признак короткой жизни и несчастливой судьбы. И пусть сейчас она была мужчиной, выглядела она как типичный неудачник: желчный, ограниченный, нищий книжник, которому не суждено долго прожить.

Линь Чаогэ поднялась. На пол упал растерзанный дождем лепесток. Снаружи лило весь день, и в лужах, заполнивших двор, смутно отражался ее силуэт.

Широкие рукава скрывали костлявые руки, ткань болталась, словно на скелете, который украл

чужую, совсем не подходящую ему одежду.

Линь Чаогэ была настолько худой, что походила на скелет. Прежняя владелица тела привыкла сутулиться и втягивать голову в плечи, отчего выглядела вечно испуганной и забитой.

Линь Чаогэ с усилием расправила плечи и, опустив голову, задумчиво посмотрела на свое отражение в воде.

В эту эпоху перемещения между параллельными мирами стали обычным делом, и любая случайность в жизни могла стать триггером для путешествия в иное измерение. А Линь Чаогэ попала в этот мир лишь потому, что среди ночи ввязалась в яростный спор с автором слащавых женских романов.

Эта книга была типичной слезливой историей. Автор, прикрываясь вывеской вдохновляющей драмы о сильной женщине, на деле выдала нечто совершенно иное. Линь Чаогэ, воодушевленная аннотацией, собиралась прочесть всё за одну ночь, но в итоге лишь раз за разом выкрикивала ругательства, лежа на кровати в общежитии.

За оболочкой великого произведения о борьбе и страсти скрывался всё тот же знакомый привкус, всё тот же шаблонный рецепт: второстепенные персонажи, влюбленные в героя, плетут интриги, а второстепенные герои, влюбленные в героиню, страдают от неразделенной любви.

Герои тонули в бесконечных недопониманиях, их чувства напоминали запутанный клубок ниток.

Линь Чаогэ в гневе схватилась за перо, чтобы написать разгромную рецензию. Нет, она нашла страницу автора в соцсетях и полночи переругивалась с ней, не повторяясь в оскорблениях.

Если успех измеряется яростью читателей, то Линь Чаогэ — персонаж, который в книге занимал далеко не первое место среди второстепенных — была, пожалуй, самой жалкой и запоминающейся фигурой.

Юноша, сдавший экзамены в раннем возрасте, с блестящим будущим и утонченными манерами. Она помнила, как эффектно он появился в первый раз, поразив читателей.

Весна всегда богата на дожди. Мелкая морось оседала над Десятилистным Циньхуаем, создавая бесконечную дымку печали. Сквозь туман, проходя мимо каменного моста, читатель видел юношу с небесно-голубым бумажным зонтом, в легком лазурном халате, с волосами, собранными бамбуковой шпилькой.

Красивое, утонченное лицо, лазурный халат, развевающийся на ветру — воплощение легкости и изящества, настоящий прекрасный юноша.

Печаль... да, печали было хоть отбавляй.

В итоге, не прошло и нескольких минут после появления, как персонаж испустил дух. Вероятно, автор испугалась, что его популярность затмит главную героиню. Да, это была та самая злобная, коварная тварь, которую даже после смерти не забывали пнуть в сюжете.

Линь Чаогэ помнила, как после смерти этот персонаж был заклеен как мрачный, трусливый и коварный интриган, который, будучи безответно влюбленным во второго принца, не смел открыть свое лицо, а лишь извращенно фантазировал о нем, исподтишка плетя заговоры против героини.

Если злодейка-второстепенная героиня была знатной дамой из влиятельного дома, а третья героиня — нежной и милой девушкой, то она, бесполое существо, была лишь крысой, грызущей пальцы ног в темноте, сырым зеленым мхом в щелях стены — липким, зловещим и неотвратимым.

Такой резкий контраст в описании вызывал у Линь Чаогэ физическое отвращение.

Как и у любого «пушечного мяса», судьба Линь Чаогэ была незавидной. Путь чувств был особенно тернист: всю жизнь она любила, но не была любима.

Но сейчас главная проблема заключалась в том, что она вовсе не была одной из героинь, а была тем самым персонажем, которого вытаскивали на свет лишь для того, чтобы очернить после смерти.

Сюжет для нее был пустяком, а разборки с героями — тем более.

В этот момент полусгнившая деревянная дверь со скрипом отворилась.

Круглолицый мальчик-слуга в синей одежде, сложив зонт, стоял на пороге. С подола его одежды капала вода. Дрожа от холода, он походил на намокшего цыпленка:

— Молодой господин, господин велел вам прийти.

Линь Чаогэ молча кивнула, наугад схватила зонт у стены и, подвернув мокрые рукава, вышла наружу.

Бумажный зонт едва справлялся с неистовым дождем, вода стекала с него ручьями. Рука слуги, державшего зонт, дрожала, и капли то и дело попадали на тонкую одежду Линь Чаогэ. Вскоре ее плечи насквозь промокли.

Они прошли по извилистой дорожке, заросшей мхом, мимо увядшего пруда с лотосами, и вскоре показались ворота большого дома, где ярко горели огни. Две красные лампы раскачивались на ветру.

Оставив зонт снаружи, Линь Чаогэ вошла в дом. За рабочим столом сидел старик лет пятидесяти с седеющими волосами и козлиной бородкой. С первого взгляда было ясно, что это ее отец — они были похожи как две капли воды.

Сючай Линь, сидевший в кресле тайши, помрачнел, увидев вошедшего. Его одежда промокла насквозь, на полу уже образовалась лужица. Ударив по подлокотнику, он закричал, и его козлиная бородка затряслась от ярости:

— Непутевый сын! На колени!

Линь Чаогэ, еще не оправившаяся от простуды, вздрогнула от крика отца. Ее ноги подкосились, и она опустилась на ледяной пол. Холод пробрал до костей.

Сючай Линь смотрел на своего сына, который только что перенес тяжелую болезнь, и в глубине души чувствовал раскаяние. В этот раз мальчик действительно повел себя упрямо и из-за пустякового спора нажил себе огромные неприятности.

— Я не виноват, за что меня наказывать? — Линь Чаогэ подняла голову, упрямо глядя на отца. Это была последняя вспышка воли, оставшаяся от прежней владелицы тела.

— Ты, непутевый, до сих пор не понимаешь, в чем твоя вина! — Сючай Линь был в отчаянии. Его редкая бородка подрагивала, а широкие серые одежды не могли скрыть того, что он сам был истощен болезнями до состояния скелета. — Си'эр, принеси семейный жезл!

— Господин, молодой господин только что оправился от болезни, он совсем слаб, — взмолился Си'эр, надеясь, что хозяин просто хочет припугнуть сына.

— Я здесь хозяин или ты? Сказал принести — неси!

— Господин, вот. — Си'эр, помедлив, принес толстую деревянную палку. Он надеялся, что отец, который всегда любил сына, лишь грозитя, но в этот раз всё было всерьез.

Сючай Линь взял палку, взвесил ее в руке и, глядя на худую спину коленопреклоненного юноши, опустил ее на плечи сына. Си'эр, не в силах смотреть, отвернулся, заливаясь слезами.

Линь Чаогэ закусил губу, чтобы не вскрикнуть. Она крепко зажмурилась, впиваясь ногтями в ладони до крови. Голова кружилась, а она считала удары.

Она пришла в этот мир, заняв чужое место, и теперь должна была расплачиваться за прошлое.

— Раз.

— Два.

— Три.

Звук ударов дерева о плоть сливался с шумом ветра и дождя.

— Четыре... — На пятом ударе юноша, не выдержав боли, рухнул на пол.

Тело Линь Чаогэ было слишком слабым, она не выдержала и пяти ударов. Губы были искусаны в кровь, но она так и не попросила пощады. Бледная, как полотно, она лежала на полу, а ее лазурный халат окрасился алым.

Сючай Линь испугался. Бросив палку, он с заплаканными глазами подхватил сына и, не обращая внимания на ливень, бросился к лекарю.

— Дитя мое, всё это ради тебя... Когда же ты поймешь мои благие намерения? — прошептал он. Он знал, что был слишком суров, но каждый раз, глядя в эти глаза, так похожие на глаза покойной жены, он терял волю.

Дождь продолжал лить. В переулках было пусто.

Тусклая лампа отбрасывала длинную тень, которая одиноко дрожала на ветру. В районе Пинлэ из окон доносился смех, пахло пудрой, а улицы, где днем играли дети, погрузились в тишину.

Линь Чаогэ, потерявшая сознание от боли, не знала, что происходит вокруг. Горячие слезы смешивались с холодным дождем на ее щеках. В голове был хаос, тело болело так, будто его заново собирали.

В этом хаосе в сознании Линь Чаогэ внезапно раздался странный голос. Она вздрогнула, пытаясь открыть глаза, но веки казались свинцовыми.

Вместо боли или системных уведомлений в ее туманном сознании вдруг возник призрачный лазурный силуэт. Юноша был худым, но не выглядел слабым.

Если бы черты его лица были четче, Линь Чаогэ не ошиблась бы — это была она, но уже взрослая.

Юноша остановился поодаль, в его глазах читалась ненависть и боль. Растрепанные волосы закрывали лицо, а бледные губы беззвучно шевелились, словно пытаясь что-то сказать.

Прошлое ушло, но она ненавидела! Она не смирилась!

Возможно, из-за того, что они делили одно тело, или из-за того, что Линь Чаогэ прониклась сочувствием к судьбе оригинала, их сердца сошлись. Линь Чаогэ не проронила ни слова, но поняла всё: всю печаль и трагедию этой короткой жизни.

Всё свелось к тому, чтобы отпустить прошлое, не разрушать жизнь, которую она получила с таким трудом, и если она встретит того юношу, передать ему, что она не держит зла.

Вероятно, оригинал была по-настоящему влюблена в того белоснежного юношу, которого встретила когда-то на скачках.

Его звали Бай Цинсин. Он был таким же несчастным персонажем, который не мог получить желаемого, упрямым и мрачным, готовым на всё ради своей цели.

Линь Чаогэ находила этого персонажа с раздвоением личности и задатками яндере довольно интересным для книги, но это не означало, что в реальной жизни ей понравился бы такой мрачный тип.

Тем более что, как было ясно написано в книге, именно этот «черный лотос» стал виновником гибели оригинала, уничтожив ее из-за пустяковой фразы.

Линь Чаогэ представила эту сцену и вздрогнула от ужаса.

Лазурная тень постепенно стала прозрачной и исчезла. На ее губах играла легкая улыбка. Линь Чаогэ хотела дотянуться до нее, но коснулась лишь холодного воздуха. Слезы невольно потекли по ее лицу — она не знала, по ком она плачет: по себе или по той, другой.

Согласно книге, через два года она должна была стать лучшим выпускником на экзаменах, самым молодым чиновником в истории, а еще через пять лет — служить в министерстве обрядов, чтобы спустя семь лет и три месяца погибнуть.

Март. Время, когда весна в самом разгаре.

На берегу реки в Лояне цвели персиковые деревья. Розово-белые цветы сливались в море, напоминая розовый туман, простирающийся на сотни ли.

В персиковой роще прогуливалась девушка в белом платье, расшитом грушевыми цветами. На ней не было косметики, но даже самые прекрасные цветы меркли на ее фоне.

Картина была прекрасна, пейзаж был прекрасен, но девушка была еще прекраснее.

Легкий ветерок шевелил лепестки, солнечный свет играл на ее коже, делая ее похожей на небесную фею.

Служанки, стоявшие в трех метрах, смотрели на свою госпожу, боясь дышать, чтобы не спугнуть это видение. Другие посетители рои, казалось, были очарованы так же сильно — никто не осмеливался нарушить эту гармонию.

Девушка протянула тонкую, как из нефрита, руку, слегка коснулась ветки персика и тихо вздохнула:

— Цинсин, как ты думаешь, эти персиковые цветы красивее тех, что в Жуяне? — Ее голос звучал нежно и мелодично, как пение иволги.

<http://bllate.org/book/22224/2319207>